B929

В. И. Бошко.

ОТДѢЛЕНІЕ ЦЕРКВИ ОТЪ ГОСУДАРСТВА.

Цѣна 50 коп.

КІЕВЪ.
Типографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Караваевская, № 5.
1917 г.

Нет

Того же автора:

1. **Къ аграрному вопросу въ Россіи: Гражданская правоспособность крестьянъ въ области землевладѣнія.** Кіевъ, 1917 г. Ц. 2 руб.

2. **Свобода крестьянъ въ распоряженіи землей.** Изданіе 2-е, К. 1917 г. Ц. 75 коп.

3. **Жилищный вопросъ. Дома и поселки для жел.-дор. и другихъ профессіональныхъ служащихъ и рабочихъ.** Изданіе 3-е, переработанное и дополненное. К. 1917 г. Ц. 1 руб.

Государственная публичная историческая библиотека
659062

Складъ изданія у автора:
Кіевъ, Караваевская, 47, кв. 5.

Церковь и государство въ свободной Россіи.

Въ ряду важнѣйшихъ проблемъ, выдвинутыхъ широкимъ революціоннымъ движеніемъ нашихъ дней, конечно, далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ вопросъ о взаимоотношеніи церкви и государства въ свободной Россіи. До сихъ поръ этотъ вопросъ для широкаго общественнаго сознанія былъ какъ то заслоненъ цѣлымъ рядомъ другихъ неотложныхъ политическихъ и экономическихъ задачъ момента. Но близится время, когда и онъ, этотъ важный вопросъ, встанетъ передъ обществомъ во весь свой ростъ. 15 августа с. г. въ Москвѣ созывается церковный соборъ, на которомъ будутъ обсуждаться кардинальные вопросы касательно взаимоотношенія церкви и государства въ свободной Россіи. Одновременно поднимается вопросъ, съ одной стороны, о возстановленіи у насъ патріаршества, съ другой—объ отдѣленіи церкви отъ государства. Все это заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія со стороны общества. Попытаемся разобраться въ этихъ вопросахъ, остановившись сначала на церковномъ соборѣ, затѣмъ—на патріаршествѣ, и, наконецъ, на вопросѣ объ отдѣленіи церкви отъ государства.

I.

Соборъ.

Идея ближайшаго созыва церковнаго собора въ Россіи [1] возникла, какъ отзвукъ широкаго революціоннаго движенія нашихъ дней. Здѣсь лишній разъ сказалась историческая черта взаимоотношеній церкви и государства въ Россіи—этотъ неизбѣжный параллелизмъ въ развитіи внѣшнихъ формъ церковнаго и государственнаго строя, эта непосредственная зависимость церковнаго уклада жизни отъ гражданскаго.

Правда, идея церковнаго собора до сихъ поръ не успѣла еще отлиться въ форму, сколько-нибудь соотвѣтствующую конструкціи намѣчаемаго государственнаго строя. Но уже одно то обстоятельство, что эта идея зародилась именно въ пору теперешняго общественнаго раскрѣпощенія и что сейчасъ она болѣзненно переживаетъ мучительный процессъ своей реализаціи, достаточно ясно подтверждаетъ фактъ, что церковь у насъ всегда идетъ за государствомъ, аккуратно приспособляясь, или по крайней мѣрѣ, пытаясь приспособиться ко всякимъ измѣненіямъ въ его строѣ [2].

Сила византійскихъ государственно-церковныхъ традицій, пересаженныхъ на нашу почву, неотразима на всемъ протяженіи нашей исторіи, начиная съ кіевскаго ея періода и кончая петроградскимъ.

---

[1] Первыя двѣ главы настоящаго очерка переработаны изъ нашей статьи „Соборъ и патріаршество“, помѣщенной въ „Современномъ Мірѣ“.

[2] И нужно сказать, всякое уклоненіе отъ этой политики влекло за собой печальныя послѣдствія для самой же церкви. Достаточно вспомнить, какъ болѣзненно отразилось на ея строѣ то обстоятельство, что церковные судебные уставы не были реформированы въ свое время, когда реформировались гражданскіе судебные уставы, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Этотъ нестерпимый изъянъ, въ видѣ существующаго консисторскаго суда, особенно ощутительно даетъ себя чувствовать и въ настоящее время.

Нѣтъ нужды останавливаться на этой несомнѣнной истинѣ. Отмѣтимъ лишь тотъ характерный въ данномъ случаѣ фактъ, что наши русскіе, церковные соборы неразрывно были связаны съ земскими соборами. Усиленная дѣятельность первыхъ падаетъ какъ разъ на годы дѣятельности вторыхъ, и даже больше этого,— начало нѣкоторыхъ церковныхъ соборовъ падаетъ на тѣ мѣсяцы, когда происходили открытыя засѣданія земскихъ соборовъ [1]. И примѣчательно, что церковные соборы прекратились у насъ одновременно съ земскими, а когда, въ концѣ 1904 г., въ обществѣ и печати заговорили о земскомъ соборѣ, одновременно же возникли толки о соборѣ церковномъ.

Много съ тѣхъ поръ воды утекло, и вопросъ о церковномъ соборѣ претерпѣлъ длинную эволюцію, которая съ чувствительностью барометра отразила въ себѣ всѣ перипетіи въ развитіи нашей государственности, вплоть до послѣднихъ дней. „Эпоха“ двухъ первыхъ Государственныхъ Думъ была временемъ самаго оживленнаго соборнаго движенія. Къ этому времени пріурочивается созывъ предсоборнаго присутствія и даже опубликованіе особаго „Положенія о составѣ Собора русской церкви и о порядкѣ производства дѣлъ на ономъ“.

Параллельно съ начавшейся тогда же ликвидаціей общественнаго движенія, стали идти на убыль и волна церковно-соборнаго движенія, а созывъ церковнаго собора по разнымъ благовиднымъ предлогамъ сталъ безконечно откладываться.

— Сначала успокоеніе, потомъ соборъ!—былъ первоначальный окрикъ сверху. Но наступило успокоеніе— и прозвучалъ новый разъяснительный лозунгъ:

— Сначала церковныя реформы, затѣмъ соборъ!

Вопросъ попалъ въ какой-то заколдованный кругъ.

---

[1] *М. В. Владимірскій-Будановъ*, Обзоръ исторіи русскаго права, *М. Макарій*; Исторія церкви, т. XI; *П. Лапинъ*, Соборъ, какъ высшій органъ церковной власти, и др.

Съ одной стороны, ни одна церковно-общественная реформа не считалась возможной безъ собора, съ другой— церковный соборъ признавался лишь вѣнцомъ всѣхъ прочихъ церковныхъ реформъ...

Такимъ образомъ, курсъ государственной политики былъ выдержанъ до конца, и соборное движеніе раздѣлило тогда участь общественнаго.

Зародившись въ нѣдрахъ церковно-соборнаго сознанія, идея собора, какъ общественно-представительнаго института, съ теченіемъ времени выродилась въ чреватую опасными послѣдствіями бюрократическую затѣю, сулившую превратить соборъ въ такое же орудіе власти, instrumentum regni, какимъ всегда являлся въ Россіи Святѣйшій Правительствующій Синодъ.

Судя по всему, предстоящій соборъ имѣетъ быть возсозданъ по типу церковныхъ соборовъ Московской Руси: въ поискахъ за идеаломъ соборнаго строя нынѣшніе церковные реформаторы устремляются въ до-Петровскую Русь, вглубь именно московскаго періода нашей исторіи. Но что представляютъ собою наши московскіе церковные соборы?

Согласно новѣйшимъ авторитетнымъ изслѣдованіямъ, эти „соборы“ не были какими-либо самостоятельными, автономными церковными учрежденіями, которымъ бы принадлежала иниціатива своихъ собраній, самостоятельнаго опредѣленія предметовъ своихъ занятій, задачъ и цѣлей, какія они хотѣли бы преслѣдовать, и которые имѣли бы право свободно и самостоятельно постановлять свои рѣшенія. Наши *церковные московскіе соборы XVI и XVII столѣтій были только простыми совѣщательными учрежденіями при особѣ государя, они были только простыми органами царскаго законодательства по дѣламъ церковнымъ*, и значеніе ихъ въ церковныхъ дѣлахъ было совершенно сходно съ значеніемъ боярской думы въ дѣлахъ государственныхъ. Единственнымъ источникомъ всякаго закона, какъ государственнаго, такъ и церковнаго, былъ

у насъ царь, который государственные законы издавалъ, „поговоря“ со своими боярами, то-есть, съ боярской думой, церковные же законы издавалъ, „посовѣтовавшись со своими царскими богомольцами, патріархами и дрругими архіереями, архимандритами, игуменами и священнымъ соборомъ“. Различіе между боярской думой и „освященнымъ“, т. е. церковнымъ соборомъ заключалось въ томъ, что боярская дума была постояннымъ, непрерывно дѣйствовавшимъ при государѣ учрежденіемъ, тогда какъ церковный соборъ созывался только на время для обсужденія и рѣшенія вопросовъ, вновь возникавшихъ и чрезвычайныхъ [1].

Всѣ эти порядки нашихъ московскихъ соборовъ нельзя назвать оригинальными: они заимствованы изъ практики древнихъ византійскихъ соборовъ. Какъ извѣстно, и тамъ, на этихъ соборахъ, государственная власть играла главенствующую роль. Византійскіе императоры не только принимали непосредственное участіе въ соборныхъ совѣщаніяхъ, но и такъ же, какъ на московскихъ соборахъ русскіе государи, налагали санкціи своего признанія на соборныя опредѣленія, сообщая имъ, такимъ образомъ, силу государственныхъ законовъ. „Моя воля, вотъ для васъ правило“,—говорилъ съ обнаженнымъ мечемъ Константцій на соборѣ епископовъ въ Миланѣ (въ 350 году). „Или повинуйтесь моему требованію, или я васъ сошлю въ ссылку“. И этотъ способъ убѣжденія,—завѣряетъ проф. *Н. К. Никольскій*,—былъ весьма обычнымъ въ отношеніи государства къ церковной власти въ періодъ соборовъ [2]. Справедливость, однако, требуетъ отмѣтить, что практика древневизантійскихъ соборовъ, съ которыхъ копировались церковные соборы Московской Руси, воспринята была этими послѣдними далеко не въ полномъ ея объемѣ. Такъ, московскіе соборы не всегда считали для

[1] Проф. *Н. Каптеревъ*, Царь и московскіе церковные соборы XVI и XVII столѣтій, „Богосл. Вѣстн.“ 1905—1906 гг.

[2] Къ вопросу о церковной реформѣ (М. 1910 г.) с. 13.

себя обязательнымъ соблюденіе того принципа, который былъ основнымъ условіемъ дѣятельности соборовъ древней византійской церкви. Я разумѣю свободу преній и изслѣдованія въ соборныхъ дѣяніяхъ. Ограниченіе этой свободы и, вообще, принужденіе и насиліе въ соборныхъ дѣлахъ въ глазахъ древней вселенской церкви лишали силы и обязательнаго значенія соборное или всякое другое опредѣленіе. Соборъ 449 г. былъ признанъ *разбойничьимъ* потому, что на немъ будто все было запечатлѣно насиліемъ и не было свободы преній и изслѣдованія. Императоры и ихъ сановники, принимая участіе въ соборныхъ преніяхъ, оговаривались, что не намѣрены стѣснять свободы разсужденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ признавалась необходимость широкой гласности соборныхъ дѣяній; для этого вселенскіе соборы принимали даже особыя мѣры. Такъ, каждый епископъ долженъ былъ привозить съ собой нотарія-тахиграфа, который стенографировалъ бы дѣянія собора для ихъ общеизвѣстности [1]. Эти порядки не получили отраженія въ практикѣ московскихъ церковныхъ соборовъ. Свобода мнѣній и сужденій здѣсь ограничиваются, а разногласіе—не только съ царемъ, но даже съ патріархомъ, и вовсе не допускается. Достаточно указать хотя бы на слѣдующій характерный фактъ. На соборѣ 1654 г. патріархъ Никонъ выступилъ, какъ церковный реформаторъ; еп. коломенскій Павелъ не согласился съ Никономъ во взглядѣ на поклоны въ четыредесятницу. За такую смѣлость—высказывать и отстаивать свое мнѣніе по такому несущественному вопросу обрядоваго благочестія—Павелъ жестоко поплатился: онъ былъ лишенъ каѳедры, сосланъ въ монастырь и погибъ потомъ „неизвѣстнымъ образомъ“ [2].

Кромѣ того, наши московскіе соборы нерѣдко вы-

---

[1] Проф. *Ѳ. И. Мищенко*, Къ вопросу о составѣ предстоящаго всероссійскаго собора, Кіевъ, 1906 года.

[2] Проф. *Н. Каптеревъ*, цит. соч.

ходили изъ предѣловъ полномочій, опредѣлявшихъ кругъ компетенціи древневизантійскихъ соборовъ. Компетенція эта, обыкновенно, исчерпывалась въ древности спеціально церковными вопросами, относящимися къ содержанію вѣроученія и внутренней жизни церкви. Русскіе же епископскіе соборы XVI вѣка стремились иногда подчинить своей юрисдикціи то, что выходило изъ круга указанной компетенціи. Они постановляли рѣшенія, вторгавшіяся въ область народнаго хозяйства и государственнаго права. Но рѣшенія эти не получили обязательной силы именно потому, что превышали нормальные предѣлы соборныхъ полномочій, и остались, говоря словами проф. Н. К. Никольскаго, только показателемъ сословнаго своекорыстія и матеріалистическихъ вожделѣній былого времени [1].

Такимъ образомъ, соборность нашего московскаго періода была довольно своеобразной. Она *вовсе не служитъ показателемъ и обнаруженіемъ широты и свободы тогдашней церковной жизни*, проявленіемъ ея высшихъ творческихъ силъ и дѣятельности, тѣмъ болѣе, что она *не имѣла никакой прямой, непосредственной и органической связи съ жизнью, нуждами и интересами паствы* [2].

Если наши церковные соборы были только органами царскаго законодательства по дѣламъ церковнымъ, то они должны были потерять смыслъ дальнѣйшаго своего существованія, когда явился синодъ, этотъ постоянный церковный соборъ въ миніатюрѣ, въ лицѣ котораго государственная власть пріобрѣтала болѣе удобный, надежный и постоянный проводникъ своихъ видовъ и цѣлей въ дѣлахъ церковныхъ, нежели ка-

---

[1] „Соборъ или съѣздъ?“ М. 1910 г., стр. 35.

[2] *Н. Каптеревъ*, цит. соч. (курсивъ нашъ).—Тутъ, въ этихъ объективныхъ выводахъ науки, могли бы почерпнуть для себя отрезвляющій урокъ тѣ изъ апологетовъ собора, что несытымъ окомъ взираютъ на соборный строй Московской Руси, наивно считая его оплотомъ свободы и независимости русской церкви.

кими были прежніе соборы, очень хлопотливо, медленно и рѣдко собираемые.

Изъ этого бѣглаго ретроспективнаго очерка легко видѣть, какое значеніе наши церковные соборы имѣли въ прошломъ. Они были служебнымъ орудіемъ государственной политики, интересами которой опредѣлялась не только структура, но и самая судьба ихъ. Въ новой, свободной Россіи соборы московскаго образца столь любезные сердцу многихъ изъ современныхъ церковныхъ реформаторовъ, конечно, не могутъ имѣть мѣста.

Есть, однако, утописты, мечтающіе о томъ, что предстоящій церковный соборъ повернетъ колесо исторіи вспять, что конструированный по типу древнихъ соборовъ, онъ возстановитъ въ прежней силѣ всѣ церковные каноны, соотвѣтственно которымъ и создастъ новый строй церковно-общественной жизни въ Россіи.

Не говоря уже о томъ, что эта реставрація невыгодна прежде всего для самой же церкви, на каждомъ шагу нарушающей древніе каноны, — какое, спрашивается, примѣненіе къ текущей жизни будутъ имѣть эти возстановленные каноны, предназначенные регулировать бытъ еще въ греко-римскую эпоху? Вѣдь, какъ-ни-какъ, а жизнь со всѣми ея запросами и интересами далеко ушла, и пути назадъ, къ каменному консерватизму хотя бы Московской Руси, безнадежно заказаны. За время летаргіи и паралича, въ которыхъ пребывала церковь,— выросла въ мучительной борьбѣ другая, долговѣчная культура; и теперь, когда церковь пытается очнуться отъ своего вѣкового оцѣпенѣнія, рядомъ съ ней незыблемо стоитъ новый міръ, новая земля, знающая свою правду, имѣющая свои цѣнности, свои идеалы.

Это, вѣками созидавшееся, потомъ и кровью накопленное, культурное достояніе является слишкомъ прочной преградой на пути движенія вспять, чтобы наши ревнители каноновъ могли обольщать себя иллюзіей реальнаго достиженія своихъ идеаловъ.

II.

Патріаршество.

Другой вопросъ, тѣсно связанный съ соборной реформой церкви, это—*вопросъ о возстановленіи патріаршества въ Россіи.* Вокругъ него создается своеобразная, наполовину искренняя, наполовину искусственная идеологія, въ которой, впрочемъ, не трудно разобраться. Одни видятъ въ отмѣнѣ оберъ-прокуратуры и замѣнѣ ея патріаршествомъ прочный залогъ свободы и независимости церкви, наивно вѣруя, что достаточно появиться у насъ патріарху и смѣстить синодальнаго оберъ-прокурора, какъ разбитый „параличемъ“ на протяженіи вѣковъ церковный организмъ встанетъ съ одра своей болѣзни и начнетъ ходить, полный жизни и силы. Другіе связываютъ съ проектируемой реформой церковнаго управленія чисто клерикальные замыслы и вожделѣнія. Безъ патріарха—заявляетъ архіеп. Антоній *(Храповицкій)*—русская церковь не имѣетъ отвѣтственнаго попечителя и является какъ выморочное достояніе, какъ res nullius [1]. Такимъ образомъ, патріархъ, согласно этому взгляду, является по отношенію къ церкви не кѣмъ инымъ, какъ собственникомъ, безъ котораго церковь обращается въ „вещь ничью“. До такого представленія отношеній перваго епископа къ церкви, кажется, никто еще не доходилъ, даже изъ римскихъ католиковъ, какъ бы высоко ни ставилъ онъ папу и какъ бы рѣзко не выдѣлялъ положеніе его въ церкви. И, конечно, ученая критика недаромъ пророчитъ Россіи серьезную опасность, если въ ней дѣйствителъно появится патріархъ и усвоитъ подобную идеологію [2].

Опасность эта усугубляется, когда такая идеологія сочетается со страстнымъ желаніемъ отвести будущему

---

[1] „Возстановленіе патріаршества“, М. 1912 г., стр. 25.

[2] Проф. *Н. Д. Кузнецовъ*, забытая сторона дѣла еп. Гермогена и вопросъ о патріаршествѣ, Спб., 1912 г., стр. 43—44.

патріарху руководящую роль „главнокомандующаго арміей“ воинственныхъ клерикаловъ. „Воинство, — поучаетъ тотъ же владыка,—нуждается въ военачальникѣ, а его у насъ нѣтъ... Можетъ ли бороться съ врагомъ армія при наличности 75 самостоятельныхъ военачальниковъ, не объединенныхъ высшими полководцами. А „господствующая“ и воинствующая церковь и находится въ такомъ жалкомъ положеніи“!

Вѣдь чего-нибудь да стоятъ эти ламентаціи и страстныя мечтанія о диктатурѣ грядущаго патріарха—„военачальника“!

Тутъ впрочемъ открыто сказалась старая тяжба церковной власти со свѣтской. Синодальный періодъ весь, можно сказать, прошелъ подъ знакомъ озлобленія, сдержаннаго ропота и глухого протеста нашихъ архіереевъ противъ „плѣненія“ ихъ со стороны свѣтской власти, въ лицѣ, главнымъ образомъ, синодскихъ оберъ прокуроровъ. Перечитайте сокровенные дневники и мемуары архіереевъ, пересмотрите переписку нашихъ церковныхъ дѣятелей—сколько тамъ горькихъ воздыханій о мукахъ рабства и угнетенія, сколько терпѣливыхъ и упорныхъ ожиданій, что „рога папы“ (оберъ-прокурора), наконецъ, будутъ сломлены! Еп. муромскій Іаковъ, напримѣръ, узнавъ о келейномъ рѣшеніи архіереевъ объединиться, пишетъ по этому поводу еп. Саввѣ:

—„Давно пора войти нашимъ владыкамъ въ ближайшее сношеніе между собою... *Надо сломить рога папѣ* (т. е. оберъ-прокурору) *съ его компаніей*“.

Сломить папскіе рога нашимъ клерикаламъ, какъ извѣстно, не удалось, но попытки въ этомъ направленіи были, можно сказать, непрерывно. Были они и при грозномъ Нечаевѣ, и при „отличномъ танцорѣ“—гр. Протасовѣ, „мявшемъ клобуки“ архіереямъ, и даже при самомъ Побѣдоносцевѣ, державшемъ князей церкви въ ежовыхъ рукавицахъ и „глядѣвшемъ ушами“, какъ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ еп. Никандръ.

Умирающій еп. Михаилъ Грибановскій на смертномъ одрѣ заповѣдалъ своему ученику Антонію (нынѣ ушедшему на покой), „неустанную борьбу“ съ оберъ-прокуратурой, и ученикъ, какъ извѣстно, усердно исполнялъ этотъ завѣтъ. Впрочемъ, надо сказать, и рядовому духовенству отнюдь не чужды стремленія къ патріаршему строю, хотя, конечно, здѣсь мы имѣемъ дѣло больше съ наивной вѣрой. „Если бы моя власть, я бы вернулъ времена патріаршія,—восклицаетъ о. Савелій въ „Призракѣ“ С. Гусева-Оренбургскаго,—а то у меня теперь каждый становой—начальникъ! Могу ли его обличить? Никогда! Уста мои замерзнутъ, языкъ отвалится... и хищные враны растерзаютъ его! Становой... да я ему могу только кланяться. И кланяюсь... грѣшенъ. И буду кланяться! Потому нѣтъ у меня самостоятельности“! [1].

Въ простотѣ сердца о. Савелій чаетъ, что самостоятельность придетъ къ нему съ возстановленіемъ патріаршества. Другого исхода изъ своего тяжелаго положенія онъ не знаетъ. И какъ, въ существѣ дѣла, это ни наивно, о. Савелій со своими чаяніями и надеждами, думается намъ, далеко не одинокъ среди своихъ собратьевъ.

Какое недоразумѣніе! Только покидая твердую почву исторической дѣйствительнисти, только игнорируя данныя объективной науки, можно питать эту увѣренность, что патріаршество даруетъ церкви свободу и независимость.

По существу, роль патріаршества въ прошломъ, мало чѣмъ разнится отъ роли нашихъ московскихъ церковныхъ соборовъ. Если послѣдніе были лишь простыми органами государственной власти, то патріархъ, въ свою очередь, являлся простой креатурой московскаго царя. Онъ всегда всецѣло и во всемъ у насъ, какъ ранѣе митрополитъ, зависѣлъ отъ свѣтской власти,

---

[1] „Современный міръ“, 1912 г. іюнь, стр. 33.

которая распоряжалась имъ въ своихъ видахъ и по своему усмотрѣнію [1].

Самое учрежденіе у насъ патріаршества было дѣломъ государственной власти; оно явилось такимъ же *политическимъ актомъ*, какъ и его упраздненіе. Патріаршество возникло на Руси въ пору необычайнаго ея національнаго самовозвеличенія, навѣяннаго пресловутой теоріей о „Москвѣ, какъ третьемъ Римѣ“, когда автокефальность русской церкви, подъ управленіемъ собственнаго патріарха, почиталась необходимымъ украшеніемъ самовластія московскаго царя, ставшаго «единымъ царемъ во вселенной». Поэтому учрежденіе патріаршества не измѣнило вліятельнаго господства свѣтской власти надъ церковной.

Съ теченіемъ времени это господство все болѣе и болѣе усиливается, пока, наконецъ, подъ вліяніемъ извѣстной идеологіи царской власти, созданной услужливыми книжниками (іосифлянами), оно не возводится окончательно въ принципъ, санкціонированный „милостью Божьей“.

Со времени московскихъ церковныхъ соборовъ эпохи Грознаго, особенно Стоглаваго собора, созваннаго по иниціативѣ той же свѣтской власти для пересмотра и „установленія на вѣки“ духовнаго содержанія русской церкви, когда указанная идеологія окончательно восторжествовала, русскій государь, „яко христіанскій государь—гласитъ современный гражданскій законъ—есть хранитель догматовъ и благочинія православной церкви“. Съ тѣхъ поръ ни одна сколько-нибудь крупная реформа въ церкви, ни одно измѣненіе въ ея юридическомъ бытѣ не могутъ быть произведены иначе, какъ только „повелѣніемъ благочестиваго государя“. Ни митрополичья, ни патріаршая кафедры не замѣщались безъ этого повелѣнія. Собственной властью царь до мелочей регламентируетъ церковные порядки. Онъ, напримѣръ,

[1] Проф. *Каптеревъ*, Власть патріаршая и архіерейская въ древней Руси. „Богословскій Вѣстникъ“, апрѣль 1905 г., стр. 666.

помимо патріарха, издаетъ указъ о запрещеніи монахамъ Соловецкаго монастыря предаваться „пьянственному питью“ и т. д. и т. под. [1].

Такъ постепенно закрѣпощалась церковь на службѣ у государства, вплоть до Петровской реформы. Когда, съ учрежденіемъ святѣйшаго синода, наши церковные соборы потеряли смыслъ своего дальнѣйшаго существованія, ненужнымъ оказался и патріаршій институтъ.

Такимъ образомъ, *патріаршество отнюдь не было и не могло быть гарантіей свободы и независимости церкви.* Наоборотъ, наиболѣе сильное порабощеніе послѣдней, въ лицѣ ея представителей, падаетъ какъ разъ на патріаршій періодъ. И это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ не одного только государственнаго вмѣшательства, но также и необычайнаго деспотизма нашихъ патріарховъ въ управленіи духовенствомъ. Епархіи московской Россіи превратились въ какія то *сатрапіи*, и жизнь приходовъ совершенно замерла. Выборное начало постепенно замѣняется бюрократическимъ, и централизація церковной власти все больше и больше усиливается.

Патріаршество,—со всей рѣшительностью утверждаютъ его апологеты,—необыкновенно дорого сердцу русскаго народа, связано съ народной жизнью тысячей нитей и является лучшимъ оплотомъ не только церкви, но и государства. „Если бы,—пишетъ тотъ же владыка Антоній по поводу неудавшейся попытки учредить патріаршество весной 1905 г.,—если бы такое радостное событіе совершилось въ великомъ посту, то не позже Троицы состоялся бы и законный Помѣстный Соборъ съ участіемъ помѣстныхъ патріарховъ, а къ осени св. церковь процвѣла бы такою силою благодатной жизни и духовнаго оживленія, что оно бы увлекло паству далеко отъ тѣхъ звѣрскихъ интересовъ, которыми теперь раздирается наша родина, и самодержавная власть не-

[1] См. *С. Мельгуновъ*, Церковь и Государство въ Россіи, М., 1907 года, т. I.

поколебимо и радостно стояла бы во главѣ народной жизни. По лицу родной страны раздавались бы священныя пѣснопѣнія, а не марсельезы, въ Москвѣ гудѣли бы колокола, а не пушечные выстрѣлы, черноморскія суда, украшенныя бархатами и цвѣтами, привозили бы и отвозили преемниковъ апостольскихъ престоловъ священнаго востока, а не измѣнниковъ, не предателей, руководимыхъ жидами, и вообще революціи ни тогда бы не было, ни теперь, ни въ будущемъ, потому что общенародный восторгъ о возстановленіи православія послѣ долгаго его плѣна и подступиться бы не далъ сѣятелямъ безбожной смуты" [1].

До чего можетъ дойти увлеченіе сильной мечтой!

Но нельзя не сопоставить его съ нѣкоторыми выводами научно-объективнаго изслѣдованія по затронутому вопросу. „Наше патріаршество, созданное исключительно свѣтской властью по политическимъ чисто мотивамъ,—замѣчаетъ проф. Каптеревъ,—въ свое столѣтнее существованіе не пустило никакихъ прочныхъ въ народной жизни корней, не имѣло съ ней никакой живой, органической связи, и потому, какъ возникло такъ и умерло, только по хотѣнію свѣтской верховной власти, почти совсѣмъ не оставивъ никакихъ серьезныхъ слѣдовъ даже въ строѣ и характерѣ самой нашей церковной жизни" [2].

Вообще, говоря словами проф. Н. Д. Кузнецова, доводы приводимые въ пользу патріаршества, отличаются очень слабой убѣдительностью и обнаруживаютъ присутствіе у его сторонниковъ предвзятой идеи или сильной мечты.

Мы видѣли, что роль и значеніе церковныхъ соборовъ и патріаршества въ прошломъ почти всецѣло опредѣлялись тѣмъ положеніемъ, какое заняла русская церковь въ ея исторической борьбѣ съ государствомъ.

---

[1] Возстановленіе патріаршества, стр. 22—23.

[2] *Каптеревъ*, Власть патріарха и архіереевъ въ древней Руси. „Богосл. Вѣстн.", апрѣль 1905 г., стр. 683.

Въ этой борьбѣ, мы знаемъ, исторія взяла подъ свое покровительство государственную власть. Церковь съ ея соборами и патріархами осталась орудіемъ этой власти. И Богъ знаетъ, какъ долго еще пребывала бы церковь въ этой принижающей ее роли, если бы 3 марта с. г. не произошелъ у насъ государственный переворотъ, когда на-ряду съ прочими органами высшаго государственнаго управленія синодъ не только утратилъ опору въ отрекшейся отъ своихъ правъ монархической власти, но и освободился изъ-подъ ея тяжелаго вліянія.

III.

Отдѣленіе церкви отъ государства.

Свободная церковь является удѣломъ свободнаго государства. О ней, поэтому, у насъ, въ Россіи, можетъ идти рѣчь только теперь, послѣ того какъ пали цѣпи стараго государственнаго строя, при которомъ церковь сначала напоминала, по выраженію Мережковскаго, „сухую смоковницу“, а впослѣдствіи—и вовсе впала въ „параличъ“ (Достоевскій). „Свободная церковь въ свободномъ государствѣ“,—таковъ лозунгъ всѣхъ передовыхъ политическихъ партій нашего времени. Въ новой, свободной Россіи церковь должна быть свободна отъ прежней государственной опеки, лишившей ее послѣднихъ остатковъ духовнаго авторитета,—она должна быть автономнымъ религіозно-нравственнымъ институтомъ. При этомъ, отвергая принижающую ее государственную опеку, церковь, въ интересахъ своего нравственнаго престижа, должна также отказаться отъ тѣхъ монополій (пропаганды и уголовной охраны), какими такъ щедро надѣляло господствующую церковь только что павшее полицейское государство, поставившее, по выраженію Герцена, „кордегардію рядомъ съ алтаремъ, Евангеліе, отпускающее грѣхи,—рядомъ съ военнымъ артикуломъ, разстрѣливающимъ за по-

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ступки...“ Та мрачная пора, когда за недостаткомъ духовныхъ средствъ въ борьбѣ съ религіозными разномыслiями, наша церковь усиленно взывала къ помощи полицейской власти и требовала „градского наказанія, сирѣчь казни“,—эта тяжелая эпоха безвозвратно миновала, и нынѣ, въ свободной нарождающейся Россіи торжество національной церкви уже нельзя создавать ни казнями, ни тюрьмами, ни ссылками инако вѣрующихъ. Для этого нужно поискать иныхъ средствъ, черпающихъ свою силу во внутренней правдѣ и величіи церкви, а не стремиться къ ея лишь внѣшнему блеску и „благолѣпію“. Однимъ словомъ, нужно пересоздать весь строй взаимоотношеній церкви и государства на началахъ полной свободы каждаго изъ этихъ институтовъ.

Какъ же это сдѣлать? Какъ обезпечить церкви свободу ея самодѣятельности? Иными словами, при какихъ условіяхъ осуществимъ популярный нынѣ принципъ „свободной церкви въ свободномъ государствѣ?“

Въ отвѣтахъ на эти вопросы нѣтъ разногласія среди нашихъ господствующихъ теперь политическихъ партій: всѣ онѣ требуютъ *отдѣленія церкви отъ государства*, полнаго разграниченія ихъ вѣдомствъ и регламентаціи ихъ взаимныхъ отношеній по евангельскому принципу: „Воздадите кесарево кесареви, а Божіе—Богови“.

Сферы церковной и государственной компетенцій должны быть размежеваны такъ, чтобы государственная власть не вмѣшивалась болѣе въ область религіознаго самоопредѣленія народныхъ массъ, и наоборотъ, чтобы государство было свободно отъ нежелательнаго вліянія клерикализма и господства разныхъ сектантскихъ доктринъ. Исповѣданіе той или иной религіи есть *частное дѣло* гражданина и должно быть, поэтому, чуждо воздѣйствія со стороны государства. Послѣднее должно лишь обезпечить путемъ закона

каждому гражданину, независимо отъ его вѣроисповѣданія, неприкосновенность религіозной свободы, какъ одного изъ неотъемлемыхъ гражданскихъ правъ. Ни одно вѣроисповѣданіе, ни одна церковь въ свободномъ государствѣ не пользуются со стороны его никакими прерогативами и исключительными льготами. По отношенію всѣхъ вѣроисповѣданій устанавливается идея *равноправія,* безъ особой поддержки какого-либо одного или нѣсколькихъ изъ нихъ.

Вотъ какъ представляется, въ общихъ чертахъ, „свободная церковь въ свободномъ государствѣ".

Только въ отдѣленіи церкви отъ государства на указанныхъ началахъ можно видѣть залогъ подлиннаго возрожденія церкви.

Иначе думаетъ наше духовенство, именно—та его часть, которая считаетъ себя призванной быть вершительницей церковныхъ судебъ въ Россіи. На послѣднемъ съѣздѣ, происходившемъ въ началѣ іюня с. г. въ Москвѣ, духовенство вынесло, между прочимъ, слѣдующую резолюцію:

„Отдѣленіе церкви отъ государства не можетъ быть допущено, но должна быть объявлена и послѣдовательно проведена свобода вѣроисповѣданій и культа. Православіе признается первой среди другихъ религій, исповѣдуемыхъ въ государствѣ. Соотвѣтственно съ этимъ, православная вѣра пользуется преимуществомъ во всѣхъ актахъ государственной жизни... Глава русскаго государства и министръ исповѣданій должны быть православными отъ рожденія. Православная церковь является институтомъ публично-правового характера, которому государство оказываетъ покровительство въ законѣ и матеріальную поддержку..."

Мы видимъ, такимъ образомъ, что духовенство у насъ является рѣшительнымъ противникомъ отдѣленія церкви отъ государства, хотя и высказывается за свободу вѣры въ Россіи.

Конечно, свобода вѣры можетъ существовать и

безъ отдѣленія церкви отъ государства, какъ мы это видимъ въ Англіи, гдѣ доселѣ сохраняется государственная церковь, возглавленная королемъ, и гдѣ давно уже существуетъ полная религіозная свобода. Но наши церковные реформаторы хотятъ сочетать свободу вѣры съ исключительнымъ привиллегированнымъ положеніемъ *господствующей* церкви, всячески стремясь обезпечить ей особое покровительство со стороны государства и особую матеріальную поддержку. Этимъ уже несомнѣнно нарушается та идея равноправія религій, какая является основнымъ требованіемъ свободнаго правового государства. Если вдобавокъ принять во вниманіе тотъ непреложный фактъ, что именно привиллегированное положеніе нашей православной церкви въ прежнемъ полицейскомъ государствѣ и служило главнымъ источникомъ ея бѣдственнаго *паралича*, то передъ нами предстанетъ вся нецѣлесообразность и даже опасность указанныхъ клерикальныхъ устремленій.

И передовая часть духовенства, въ лицѣ уфимскаго епископа Андрея, тутъ же, на съѣздѣ должна была признать неосуществимость приведенныхъ выше чаяній въ свободной Россіи. „Въ лучшемъ случаѣ, говорилъ онъ, государство сможетъ удѣлить церкви какіе нибудь гроши, и фактически отдѣленіе церкви отъ государства все-таки произойдетъ“.

Мы не будемъ здѣсь предрѣшать вопросъ о томъ, произойдетъ ли у насъ отдѣленіе церкви отъ государства или нѣтъ, хотя, вопреки приведенной выше резолюціи московскаго съѣзда, питаемъ увѣренность, что послѣдовательное проведеніе свободы вѣроисповѣданій и культа влечетъ за собою такое отдѣленіе.

Мы хотѣли здѣсь лишь ознакомить читателя въ самыхъ общихъ чертахъ съ системой отношеній между церковью и государствомъ въ нѣкоторыхъ передовыхъ странахъ, гдѣ отдѣленіе церкви отъ государства уже фактически и юридически существуетъ.

Такъ, напр., *Съверо-Американскіе Штаты* никогда не знали государственной церкви, хотя ихъ населеніе было и остается христіанскимъ по преимуществу. „Религія, обязанности наши передъ Творцомъ и способы выполненія этихъ обязанностей, гласитъ особый актъ американскій, суть дѣла разума и убѣжденія, а не силы или насилія, а посему всѣ люди имѣютъ одинаковыя права исполнять свои религіозныя обязанности согласно указаніямъ своей совѣсти. Въ то же время всѣ должны помнить свой долгъ относиться другъ къ другу съ христіанскою терпимостью, любовью и милосердіемъ". Отдѣленіе церкви отъ государства является въ Америкѣ прямымъ выводомъ изъ установившейся тамъ полной свободы вѣры, раздѣленія областей религіи и политики [1]. Государство не различаетъ церквей и другихъ религіозныхъ обществъ, для него существуютъ лишь частные религіозные союзы, составляющіеся для удовлетворенія частныхъ религіозныхъ потребностей, и оно предоставляетъ этимъ обществамъ преслѣдовать свои задачи всѣми, находящимися въ распоряженіи гражданъ, средствами, лишь бы при этомъ не нарушались общіе государственные законы и принципы общечеловѣческой нравственности [2].

Въ Европѣ впервые была провозглашена религіозная свобода, какъ личное право, французской революціей 1789 года. Знаменитая „декларація правъ человѣка и гражданина", излагавшая „естественныя, неотчуждаемыя и священныя права человѣческой личности", между прочимъ, гласила: „Никто не можетъ быть тревожимъ за свои мнѣнія, даже религіозныя..."

Самое отдѣленіе церкви отъ государства во *Франціи* произошло лишь недавно, въ 1905 году.

Оно, собственно, началось давно, еще въ 1795 году, но когда воцарился Наполеонъ, онъ въ началѣ XIX

---

[1] *Н. Карѣевъ*, Свобода вѣры (Птр. 1917), стр. 18.

[2] *Н. Суворовъ*, Учебникъ церковнаго права, изд. 4-е, стр. 483.

вѣка заключилъ съ папой соглашеніе, по которому французское католическое духовенство подпало вліянію со стороны свѣтской власти. И только впослѣдствіи, когда это духовенство стало безцеремонно вмѣшиваться въ дѣла государства, притомъ—во вредъ демократіи, отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи стало совершившимся фактомъ.

Остановимся на главнѣйшихъ пунктахъ закона объ отдѣленіи церкви отъ государства (loi concernant la séparation des Eglises et de l'Etat), изданнаго въ декабрѣ 1905 года.

1. Республика не признаетъ, не датируетъ и не субсидируетъ никакого культа, а поэтому вносившаяся до сихъ поръ въ государственный бюджетъ статья расхода на культъ и его служителей упраздняется, за исключеніемъ расходовъ на культъ въ разныхъ публичныхъ установленіяхъ, каковы лицеи, коллегіи, благотворительныя заведенія и тюрьмы.

2. Сами церковные институты перестаютъ быть публичными институтами, какими они были раньше, и изъ области публичнаго права перемѣщаются въ область частнаго права, какъ дѣло частной потребности отдѣльныхъ гражданъ, образующихъ изъ себя частные союзы. Слово „церкви“ встрѣчается только въ заголовкѣ закона, а въ самомъ законѣ говорится уже не о церквахъ, а объ ассоціаціяхъ культа (les associations cultuelles). Эти ассоціаціи ограничены въ своей дѣятельности спеціально-богослужебною цѣлью; всякія другія цѣли, какъ, напр., обученіе, благотворительность, не допускаются, такъ что церковь, какъ культурный факторъ въ обширномъ смыслѣ слова, прекращаетъ свое существованіе.

3. Богослужебныя зданія, вмѣстѣ съ ихъ принадлежностями — движимыми и недвижимыми, возвращаются государству, департаментамъ и коммунамъ, въ собственности которыхъ они состояли; они отдаются въ безвозмездное пользованіе ассоціаціямъ культа.

Если въ теченіе двухъ лѣтъ таковыхъ правоспособныхъ ассоціацій не образуется, зданія поступаютъ въ свободное распоряженіе государства и освобождаются отъ своего богослужебнаго назначенія.

4. Богослужебныя собранія въ помѣщеніяхъ ассоціацій состоятъ подъ надзоромъ государственной власти и могутъ состояться лишь послѣ предварительнаго заявленія полиціи о мѣстѣ и времени собранія.

Уже изъ этихъ нѣсколькихъ пунктовъ легко видѣть, что отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи неполное,—оно не обезпечиваетъ церкви той свободы внутренняго самоопредѣленія, какую необходимо предполагаетъ полное отдѣленіе церкви отъ государства. Примѣръ Франціи является лучшимъ подтвержденіемъ того, что не всякое отдѣленіе можетъ создать свободную церковь въ свободномъ государствѣ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, считать свободною церковь, для которой, напр., просвѣтительная и благотворительная дѣятельность остается заказанной, воспрещенной, и все назначеніе которой ограничивается однѣми лишь цѣлями культа, т. е. богослуженіемъ.

Значительное вліяніе сѣв.-американской системы взаимоотношеній церкви и государства мы видимъ въ *Бельгіи* и *Италіи*. Въ Бельгіи государство смотритъ на католическую церковь, какъ на всякое другое религіозное общество, „не имѣетъ права вмѣшиваться ни въ назначеніе, ни въ допущеніе къ должности священнослужителей какой бы то ни было религіи“ (ст. 16-я бельг. конституціи 1831 г.), не стѣсняетъ свободы преподаванія, не вмѣшивается со своимъ контролемъ въ управленіе церковнымъ имуществомъ. Но въ то же время государство признаетъ дѣятельность духовенства настолько для себя важною, что даетъ ему жалованье и пенсіи, внося ежегодно соотвѣтственную сумму въ государственный бюджетъ. Еще въ лучшемъ положеніи оказывается церковь въ Италіи, что объясняется, однако, непосредственною связью

страны съ главою рим.-католич. церкви, резидирующимъ въ Римѣ.

У насъ, въ Россіи, объ отдѣленіи церкви отъ государства, по понятнымъ причинамъ, доселѣ нельзя было и мечтать: слишкомъ сильно спаяны они были между собою, слишкомъ тѣсно и неразрывно были сплетены нити политики и религіи. Результаты такого дружественнаго алліанса на-лицо: порабощенная и парализованная церковь переживаетъ нынѣ величайшее униженіе.

Чтобы поднять свой нравственный авторитетъ, ей необходимо твердо и рѣшительно отмежеваться отъ государства. А государство, въ свою очередь, морально обязано принять всѣ мѣры къ тому, чтобы обезпечить церкви безболѣзненный переходъ ея изъ прежняго „параличнаго“ состоянія въ независимое положеніе *свободной церкви въ свободномъ государствѣ*. Искупая вину историческаго порабощенія церкви, государство можетъ выполнить свой нравственный долгъ по отношенію къ ней установленіемъ, напр., той системы отношеній, какая практикуется въ Бельгіи, именно—не стѣсняя культурно-просвѣтительной дѣятельности церкви, государство, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, впредь до полнаго ея отдѣленія, принимаетъ въ то же время на себя обязанность содержать духовенство и заботиться объ улучшеніи его быта. Съ теченіемъ времени, когда, отдѣленная отъ государства, церковь окрѣпнетъ и, возставши отъ одра своего вѣкового оцѣпенѣнія, смѣло и бодро пойдетъ по пути независимаго и свободнаго развитія,—отпадетъ и это послѣднее звено той тяжелой заржавѣвшей цѣпи, которая связывала церковь въ ея тысячелѣтнемъ брачномъ союзѣ съ государствомъ. И тогда произойдетъ у насъ полное отдѣленіе церкви отъ государства.

Вл. Бошко.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА